

ПУТЁВКА В ЖИЗНЬ

В. Шапашников,
народный судья

Под звуки бодрого марша шагают стройные колонны загорелых мальчиков и девочек. На них — стального цвета блузы с белоснежными воротничками. Идёт колония имени Горького! Стоящие на тротуарах харьковчане восторженно встречают горьковцев.

Во главе колонны, перед расшитым золотом алым знаменем — невысокого роста худощавый человек в полувойском костюме и очках. На первый взгляд, он кажется суровым и строгим, но вот он снимает очки, протирает их платком, оборачивается назад, оглядывает всю колонну, и тот, кто стоит поблизости от него, не может не заметить на лице его доброй, милой улыбки, тёплого лучистого взгляда. Человека, который идёт впереди знаменной бригады, знает весь Харьков. Это — Макаренко, ведущий колоний имени Горького.

Стройные шеренги горьковцев останавливаются на центральной площади. Раздаётся команда «вольно» — и сотни детей устремляются к человеку в очках. К нему тянутся десятки рук, а он, еле сдерживая счастливую улыбку, отечески тепло и ласково глядит на своих питомцев...

В двадцатых и тридцатых годах харьковчане часто видели горьковцев на улицах и площадях своего города.

Шли годы... Один за другим питомцы Макаренко выходили в люди: поступали на рабфаки, в институты, шли работать на заводы...

Макаренко часто любил говорить: «Мои горьковцы выросли, разбежались по всему советскому свету. Мне сейчас трудно их собрать даже в воображении... Да и «технически» не соберёшь всех. Сколько по горьковской только колонии прошло хлопцев и девчат!»

В Москве, на Украине, Дальнем Востоке, в Сибири, Средней Азии — по всему Советскому Союзу и поныне живут и работают бывшие колонисты и коммунары.

После смерти матери и отца восьмилетним мальчиком я с младшим братом Иваном попал в Куряж, в колонию имени А.М. Горького, возглавляемую А.С. Макаренко. Помню хорошо, как Макаренко перешёл затем в коммуну Дзержинского, и все колонисты затосковали.

Однажды я сказал братишке: «Знаешь что, Ваня, ты оставайся здесь, а я убегу к Макаренко. Если будет хорошо — беги и ты туда!..» Помню, как Антон Семёнович, окинув меня взглядом с ног до головы, сказал: «...Давайте возьмём этого мальчика».

Так, с кличкой «Малец», в 1932 году я был принят в коммуну имени Дзержинского. А позже приехал сюда и Иван. В большой дружной семье мы никогда не чувствовали себя сиротами.

Колония и коммуна воспитали Родине тысячи пламенных советских патриотов. Когда началась Великая Отечественная война, многие из колонистов и коммунаров пошли на фронт. Некоторые из бывших питомцев Макаренко отдали свою жизнь за Родину. Погиб на фронте и мой брат Иван.

(...) Очень интересна судьба многих моих сверстников, воспитывавшихся в своё время в коммуне. Бывший воспитанник Игорь Панов сейчас заместитель директора крупного завода на Дальнем Востоке. Зиновий Клямер окончил военную академию; Пётр Можевитин, Иван Иванов стали врачами; Александра Сыромятникова, Елена Кисточкина, Иван Ткачук — актёры...

Когда я думаю о судьбе друзей моего детства, кем были они и кем стали, сердце моё преисполняется сыновней благодарностью к скромному и вдумчивому воспитателю — Антону Семёновичу Макаренко.

В колонию приходили одичавшие от голода, озлобленные долгими скитаниями, невежественные и грубые хлопцы и девчата. (...) Казалось, годы, долгие годы должны были пройти, раньше чем вся эта разношерстная, своенравная, далёкая от всякого подобия организованности братия приобщится к учёбе, труду, правилам гигиены, элементарной вежливости...

Но проходил совсем небольшой срок, и каждая партия ребят, прибывшая в колонию, быстро ассимилировалась в здоровом, трудовом коллективе, впитывала в себя всё лучшее, благородное и честное, что культивировал Макаренко, — и ребят этих нельзя уже было узнать!

В памяти моей возникают отдельные эпизоды из жизни колонии и коммуны; я слышу слова Антона Семёновича, обращённые к своим воспитанникам, вижу каждый жест его...

Нас у Антона Семёновича были сотни, но каждый ощущал его внимание, заботу, участие.

В бурных интересных буднях трудного детского коллектива никто из нас не мог «затеряться». Мы все в одинаковой мере были

у Макаренко на виду. И то ли отличился кто-нибудь из нас в труде, то ли провинился — Антон Семёнович всегда в курсе дела. И каждый раз на заседании Совета командиров он ставит вопрос, который затем живо, с жаром обсуждает детвора. И я не знаю случая, когда Антон Семёнович поступил бы с кем-либо из нас несправедливо. Не слышал я этого и от других. Даже тогда, когда Макаренко требовал какого-нибудь наказания, провинившийся признавал: «Это справедливо. Я ведь действительно виноват».

Макаренко мог наказать и наказывал, но делал это, не унижая человеческого достоинства, не причиняя ребёнку тяжёлых душевных переживаний.

Мне, юристу, это сейчас особенно ясно.

Многие коммунары и по сей день, вероятно, помнят нашумевший случай, который произошёл со мной в 1934 году, под Первое мая. Антон Семёнович разрешил всем нам пойти погулять в город, но строго-настрого предупредил, «чтобы всё было в порядке». Особенно он предупредил взрослых ребят, опасаясь, чтобы по случаю праздника кто-нибудь из них не появился в городе в нетрезвом виде. Мне же тогда было всего 14 лет. И вот случилось так, что во всей коммуне я единственный оказался... пьяным в предпраздничный день!

В городском парке трое взрослых ребят угостили меня вином. Вскоре все мы расстались у входа из парка. И вот, как и следовало ожидать, даже небольшая доля алкоголя сильно подействовала на детский организм. В белом праздничном костюме я заснул тут же, на улице, у трамвайного столба. Подобрала меня коммунарская автомашина, вёзшая уголь. Нужно ли говорить, во что превратился мой белый майский костюм! Дежурный по коммуне Трифонов пришёл в ужас от моего вида.

Узнав о случившемся, Макаренко глубоко возмутился. В порыве гнева он даже бросил фразу: «Мальца надо выгнать!..»

На Совете командиров я упорно молчал, отказываясь назвать тех, кто напоил меня. Все прекрасно понимали, что я стал жертвой неумной шутки взрослых ребят. Первой взяла слово воспитанница Пашечкина. Она просила Совет командиров и Антона Семёновича не выгонять меня из коммуны:

— У Васи нет родителей, — убеждала она.

Её просьбу поддержал секретарь комсомольской организации коммуны Василий Камардинов:

— Малец, я думаю, больше никогда не делает такого проступка...

Коммунар Иван Волченко привёл в довершение всего ещё более «высокий» аргумент:

— Малец хорошо играет на трубе. Наш оркестр лишится хорошего музыканта...

Я видел, как, слушая ребят, Антон Семёнович прятал в усах свою ироническую улыбку. Очень уж, видно, я был смешон в тот момент.

Совет командиров решил в коммуне меня оставить, а меру наказания назначить по выбору Антона Семёновича.

«Как же меня Макаренко накажет?» — думал я два дня и две ночи.

И вот в столовой, когда все коммунары были в сборе, Макаренко объявил свой приказ по коммуне. Из него видно было, что Макаренко, прежде всего, считал меня жертвой чьей-то глупой проделки. Но дабы не повадно было мне или кому-либо другому повторить то же самое безобразие, Антон Семёнович предупредил: если в течение шести месяцев кто-либо окажется пьяным, он будет изгнан из коммуны вместе с Шапошниковым!

Приказ был серьёзным. Он касался решительно всех и заставлял каждого подумать о случившемся и впредь быть осмотрительным и осторожным. Действительно, стоило кому-нибудь проштрафиться, как под угрозой оказывался и я. Приказ, таким образом, налагал ответственность на весь коллектив.

Макаренко наказал меня и предупредил всех. Но сделал он это, не причинив мне травмы. Достаточно сказать, что впоследствии, когда коммуна собирала трёх посланцев приветствовать съезд комсомола Украины, он в числе других коммунаров поддержал и мою кандидатуру.

Вместе с Антоном Семёновичем мы поехали в Киев на комсомольский съезд, повезли в столицу наши подарки — фотоаппараты «ФЭД» и другую продукцию. В Киеве на съезде Антон Семёнович подарил мне том «Педагогической поэмы» с тёплой надписью. Позже, прощаясь с нами перед своим уходом из коммуны, Макаренко подарил мне серебряный корнет, которого я, увы, лишился во время войны...

Так Антон Семёнович мог одновременно быть и строгим, и добрым.

Теперь, когда мы стали взрослыми, а у многих из нас уже появилась седина на висках, ещё глубже понимаешь высокие гуманные устремления А.С. Макаренко. Он видел далеко, очень далеко. В то время, когда мы, чумазы, немьтые, оборванные, голодные, попадали к нему в колонию, он, спокойно глядя на нас, думал: «Вот эти станут хорошими рабочими, учёными, инженерами, агрономами». Мы тогда ничего не сознавали — ни нашего положения, ни нашей перспективы, ни нашего места в жизни. (...)

Каждого из нас А.С. Макаренко готовил к трудовой жизни исходя из индивидуальности качеств воспитанника, его наклонностей и способностей.

Перечитывая сейчас записи А.С. Макаренко в его тетрадях, удивляешься какой-то особой его способности видеть характер человека, его устремления и наклонности. В этом Макаренко, пожалуй, никогда не ошибался! Мне это особенно видно, поскольку речь идёт о людях, которых я знал с детства.

Читая строки, в которых Антон Семёнович характеризует хорошо знакомых мне воспитанников, я поражаюсь, как он ещё четверть века назад мог безошибочно распознавать в душе ребёнка качества, лёгшие затем в основу характера взрослого человека.

Приведу примеры. В повести «ФД-1», написанной Макаренко весной 1932 года, есть слова, характеризующие воспитанника Н. Каплуновского — «будущий инженер, добросовестный и точный, преданный науке и книжке... культурный и честный человек, к сожалению, чрезвычайно застенчив...».

Мой друг Н. Каплуновский и поныне живёт в Харькове; в годы войны он был авиационным инженером. Он действительно горячо любит технику и книги и навсегда остался таким же застенчивым, каким двадцать пять лет назад видел его Макаренко.

Или вот второй мой друг — Михаил Долинный. В той же повести «ФД-1» Антон Семёнович говорит: «Миша Долинный — самый сильный, самый добрый и самый покладистый коммунар, тип славянского богатыря в мирное время». В личных записках А.С. Макаренко находим и такие строки о Долинском: «В коммуне будет хорошим мастером, добросовестный и исполнительный».

Это написано было тоже четверть века назад. И именно таким мы и знаем нашего земляка-харьковчанина Михаила Долинного и по сей день. «Сильный, добрый, покладистый», замечательный производственник, добросовестный и исполнительный. Антон Семёнович ни в чём не ошибался!

Изучение юридических наук в институте, работа народного судьи дали мне возможность по-новому взглянуть на воспитательные методы А.С. Макаренко. Я, например, лишь сейчас с особой глубиной осознал значение

Совета командиров как своего рода товарищеского суда. Ведь за любой проступок воспитанник держал ответ не лично перед Макаренко, а перед своими же товарищами, перед всем коллективом.

Совет командиров рассаживался обычно на узком жёстком диване вдоль стен кабинета Антона Семёновича и не только решал хозяйственные дела, но и обсуждал различные происшествия.

Трудно переоценить силу психологического воздействия Совета командиров — настоящего беспристрастного и честного товарищеского суда. Совет командиров обсуждал обычно многие вопросы жизни колонии или коммуны, но в данном случае, как юрист, я говорю только о «правовых» его функциях. Думаю, что изучение этого вопроса и по сей день может представить известный интерес как для педагогов, так и для юристов.

В бумагах А.С. Макаренко сохранилось фото: Антон Семёнович сидит среди студентов-юристов, бывших горьковцев. Очевидно, то была одна из первых групп юристов из числа «макаренковцев». В последующие годы их было уже немало. Народный судья Наталья Чудная и я, по всей видимости, замыкаем этот отряд юристов — оба мы окончили юридический институт уже после войны.

Мне кажется, что есть нечто замечательное в том, что из юных «правонарушителей», как нас кое-кто называл, А.С. Макаренко сумел воспитать много людей, посвятивших в дальнейшем всю свою жизнь делу укрепления социалистической законности.

Всей своей работой народного судьи я хочу оправдать надежды, которые возлагал на меня и на других горьковцев Макаренко. И вот каждый раз, рассматривая то или иное судебное дело,

я думаю: «А как решил бы его на моём месте Антон Семёнович? Как поступил бы он в данном случае?»

Строго карая вора или расхитителя, решая дело о хозяйственном или должностном преступлении, примиряя поссорившихся соседей или вынося приговор хулигану, я всегда думаю о чудесном педагогическом таланте Макаренко. И каждый раз, когда я занимаю председательское место за судейским столом, мне кажется, что сквозь толстые стёкла очков за мною зорко наблюдает одобряющий взгляд Антона Семёновича, который будто говорит мне: «Ну, Василий, как ты выйдешь из этого положения? Как ты решишь этот вопрос?»

Могу смело сказать, что огромную помощь в моей работе приносит знание творческой педагогической науки Макаренко.

Много нас, бывших горьковцев и коммунаров, и поныне живёт и работает в Харькове.

Часто встречаемся мы в Доме учителя, у памятника Шевченко, в Померках, где была коммуна. Всё в этом городе напоминает нам о детстве, о годах, проведённых вместе с Макаренко... Вот Сумская, по которой под звуки марша «Дзержинец», написанного капельмейстером коммуны Виктором Тимофеевичем Левшаковым, гордые и счастливые маршировали мы на глазах у харьковчан. Вот площадь Тевелева — традиционное место встреч двух колонн — горьковцев и дзержинцев. Вот оперный театр, в стенах которого под звуки фанфар мы приветствовали съезды и конференции.

По этим улицам, по этим камням ходил с нами Антон Семёнович.

Может быть, именно поэтому и потянуло многих из нас после войны в Харьков, в наш любимый город, где многое, очень многое воскрешает в памяти незабываемые картины детства... **В.Ш**